
ВЛАСТОМАНИЯ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

А.В. Разин, И.А. Авдеева

ПРОБЛЕМА РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Объектом исследования является сфера политики и политически мотивированного поведения различных субъектов политической деятельности. Предметом исследования служит проблема разрешения конфликтов в политической сфере, связанных с противоречивостью ценностного содержания социально-политических действий. Подобные конфликты оказываются естественным условием функционирования политической сферы и напрямую зависят от тех или иных общественно-политических интересов и целей политических решений. Предмет исследования, как известно всегда содержит некоторый момент идеализации, связанный с выявлением сторон объекта исследования. Это достигается в статье рассмотрением известных этических концепций, анализом самих этих концепций под углом зрения представления в них абсолютистского и утилитарного подходов. На уровне решения об отдельных политических действиях предметом рассмотрения становятся конкретные модели принятия решений, основанные на предложенных в западной литературе методиках. Методология основана на применении системного метода рассмотрения общества, сравнительного анализа, истории этики и рассмотрении современных этических концепций, а также – рассмотрении пошаговых и ценностно-аналитических концепций принятия политических решений в конкретных обстоятельствах действия.

Новизна исследования основана на рассмотрении проблемы принятия политических решений в связи с глобальными процессами в развитии общества и особенностями организации современной политической системы. В статье показано, что политические интересы не всегда связаны с защитой интересов большинства членов общества, но часто выражают интересы групп. В силу этого партисипативная демократия является не только средством ограничения подобных манипуляций, но также призвана обеспечивать этическое влияние на политику на основе принципов открытости и дискурсивности. Это является одним из путей выявления ценностного содержания политических решений, и путем разрешения ценностных конфликтов в данной сфере. Также в статье предлагается к рассмотрению ряд моделей разрешения ценностных конфликтов путем анализа их реального ценностного содержания. Мы также показываем возможность выстраивания приоритетов применения абсолютистского и утилитарного подходов при принятии политических решений.

Ключевые слова: ценности, конфликт, интересы, политическая этика, глобалистика, модели, решения, абсолютизм, утилитаризм, приоритеты.

Review. The object of the research is the political sphere of the society and politically motivated behavior of the actors of political activity. The subject of the research is the problem of conflict resolution in the political sphere associated with the contradictory value content of socio-political actions. The conflicts of this kind are a natural condition for the functioning of the political sphere and they are directly dependant on different social-political interests and political decision-making purposes. The subject of the research, as it is known, always contains some degree of idealization associated with the identification of the parts of an object under research. This is achieved by the authors of the article through considering well-known ethical concepts and analysis of these concepts from the point of view of absolutist and utilitarian approaches. At the level of decisions concerning particular political actions, the subject under review is a specific model of the decision making process based on the methods suggested in Western literature. The methodology is based on the application of the systems method of social researches, comparative analysis, history of ethics

and analysis of contemporary ethical concepts as well as step-by-step and value-analytical concepts of the political decision making process under particular circumstances. The novelty of this research is based on the consideration of the political decision making process in relation to global processes in the development of society and peculiarities of the modern political system. The authors of the article demonstrate that political interests are not always associated with the protection of the interests for the majority of society members, but often represent the interests of particular groups. For this reason, participatory democracy is not only a mean of limiting such manipulations, but is also a remedy to make a certain ethical influence on politics based on the principles of openness and discourse. This is one of the ways to discover the value content of political decisions as well as to resolve value conflicts in this sphere. The authors of the article also offer a number of models for resolution of value conflicts through analysis of their actual value content. These models are to be considered and analyzed further. The authors also show that it is possible to range priorities in applying either absolutist or utilitarian approaches to the political decision making process.

Keywords: *priorities, conflict, interests, political ethics, global studies, models, decisions, absolutism, values, utilitarianism.*

Сфера политики, безусловно, связана с противостоянием различных социальных сил, страт и слоев общества, каждая из которых преследует свои цели и так или иначе пытается получить односторонние выгоды от совместной кооперации. Может показаться, что заявлять такое в современном обществе, где сплошь и рядом говорят о морали, политкорректности, интересах общества, где частные корпорации стремятся иметь собственные нравственные кодексы, участвовать в благотворительности, исполнять социальные функции – достаточно странно. Тем не менее, это так. Если бы в обществе не было конфликтных отношений, политика как таковая была бы не нужна.

Определяя политику, А.С. Панарин писал: «Политика есть вид рискованной (не гарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которой пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей» [1, с. 506-507]. Это, конечно, не означает, что политика совершенно выводится за пределы морали. Наоборот, мораль, этическое отношение является одним из важных обстоятельств, влияющих на процесс принятия политических решений, ведь, несмотря на эгоистические в целом мотивы политической деятельности, осуществляемой различными группами, совместное существование людей в обществе всегда предполагает, что между отдельными участниками политической жизни достигается компромисс. Это означает, что выбирается некоторый более или менее оптимальный в данных условиях способ сочетания различных интересов, что этот способ соответствует характеру экономической жизни данного общества, позволяет поддерживать или увеличивать

необходимые темпы развития производства, в результате чего в целом достигается удовлетворенность людей их жизнью в данном обществе. Если такая удовлетворенность не достигается, это означает только то, что политика неуспешна, что принимаются неверные политические решения, или что вся система организации политических институтов данного общества, так же как и его правовая и моральные системы, не соответствуют изменившимся условиям экономической жизни, новым технологиям производства, требующим иных стимулов труда.

Далее, необходимо отметить, что политические решения принимаются властными структурами и представляющими их политическими деятелями. Понятно, что непосредственные участники политической жизни, принимающие решения, чаще всего представляют чьи-то интересы. Но каков их собственный интерес в политике, что они рассчитывают получить от того, что, собственно стали заниматься политикой. По этому поводу существуют разные оценки. От изображения таких лиц бескорыстными борцами за будущее человечества – до представления их в качестве прожженных политиканов, преследующих своекорыстные интересы, готовые ради их удовлетворения на неблаговидные поступки, ограниченные лишь осуждением со стороны общественного мнения, а также правовыми и моральными кодексами.

Рассматривая вопрос о роли власти и насилия в экономике, О. Тоффлер пишет: «В некоторых странах государство в политическом плане контролируется корпорациями, поэтому грань между частной и общественной властью тонка как волос. Но старая марксистская идея, что государство не более чем “исполнительный комитет” власти правящих корпораций, не учитывает общеизвестного:

политики всё чаще действуют от своего собственного имени, нежели в интересах других» [2, с. 61].

Однако, даже если считать, что политик следует прежде всего свои собственные цели, следует учитывать, что он не может удовлетворить свой, экономический интерес, не выполняя в то же время некоторую общественную функцию, не участвуя в важном процессе воспроизводства социальной связи в существовании которой так или иначе заинтересованы все слои общества. Вот здесь то и возникает проблематика, касающаяся нравственной составляющей политических решений. Социальная связь современного общества, конечно, устроена так, что одни получают от участия в ней большие, а другие – меньшие выгоды. Но те, кто получает меньше, всё же далеко не всегда готовы рисковать тем, что они имеют даже для того, чтобы открыто выразить свое недовольство собственным положением в обществе, не говоря уже о каких-то более решительных действиях. Задача политика по существу оказывается именно в том, чтобы поддерживать такой баланс взаимодействия разных общественных сил, такое состояние противостоящих интересов, которое не приводит общество в конфликтное состояние, не снижает стимулы для активного участия людей в производительной деятельности. Это означает, что у граждан не возникает состояние апатии, тем более не приводит к тому, чтобы такое состояние приводило к поиску внешних врагов, обвинению других в своих собственных неудачах. Последнее как раз часто имеет место в тех государствах, из которых исходит террористическая угроза.

Тем не менее, можно констатировать, что профессиональные политики во многом дискредитировали себя в результате того, что в современном мире так или иначе происходит сращивание государства и бизнес структур, политик просто смог бы добиться успеха, если бы не опирался на те социальные слои, которые обладают экономической властью.

Но массы не готовы безропотно принять такое положение дел. Возможно, это определяет стремление развивать институты так называемой партисипативной демократии (референдумы, инициативы снизу, институты гражданского общества, участвующие в политике). Всё менее не доверяя политикам, массы всё более сами хотят участвовать в управлении. Дж. Нейсбит отмечает: «Произошел постепенный, но отчетливый переход власти от выбранных чиновников к прямому волеизъявле-

нию избирателей путем локальных инициатив и референдумов, где люди, а не чиновники решают большинством голосов, что делать. Политики значат всё меньше и меньше, и потому наблюдается падение интереса к национальным политическим выборам. Это естественное следствие перехода от представительной демократии к партисипативной» [3, с. 232].

Понятно, что партисипативная демократия требует от масс нового уровня политической культуры и, в то же время заставляет профессиональных политиков прислушиваться к их голосу, или по крайней мере делать вид, что голос масс имеет для них принципиальное значение.

Однако оценки относительно перспектив демократии участия были сделаны Дж. Нейсбитом и другими более 30 лет назад. Сейчас приходится слышать совсем другие оценки, связанные с тем, что процессы глобализации во многом привели к разделению понятий политика и власть. Так З. Бауман отмечает: Власть в наши дни глобальна и экстерриториальна; политика территориальна и локальна. Власть свободно перемещается со скоростью электронных сигналов, не считаясь ни с какими пространственными препятствиями (Поль Верилио считает, что, хотя некрологи в адрес истории пока преждевременны, мы безусловно присутствуем при кончине географии: расстояния теряют всякую значимость). Политика, однако, не имеет другого представителя, кроме государства, суверенитет которого, как и ранее, определяется (и ограничивается) пространственными рамками» [4, с. 254].

Такая оценка означает, что реальная власть принадлежит корпорациям, финансовым бизнес структурам, которые действуют вне всяких национальных границ. Политика на национальном уровне лишь обеспечивает условия для их успешной деятельности. И даже политик всецело преданный национальным интересам своей страны не может не учитывать факт существования глобальных бизнес структур. Скажем, будучи заинтересован в инвестициях в экономику собственной страны, он просто вынужден считаться с мнением представителей крупного бизнеса и тех политических структур, которые поддерживают этот бизнес на глобальном уровне.

Одновременно следует учитывать, и то, что в условиях современного глобализирующегося общества отдельные бизнес решения всё более приобретают характер политических. Руководителям

корпораций и даже менеджерам более низкого звена приходится учитывать интересы местного населения, его протестные возможности, т.е. по необходимости переходить с уровня власти (экономической) на уровень политики, которая должна быть убедительна для масс. Отсюда то огромное значение, которое приобрела в современных условиях роль PR-специалиста. Если речь идёт о корпорациях, то PR-специалист всегда пытается представить экономическую деятельность как такую, в которой массы заинтересованы точно также как и бизнес структуры, причем представить эту деятельность как самую наилучшую, по существу – безальтернативную.

Принцип TINA (от англ. there is no alternative) был предложен в качестве слогана Маргарет Тэтчер применительно к оценке экономического либерализма. Потом он приобрёл более широкое распространение, в частности, как раз применительно к вопросу о принятии политических решений. В действительности же альтернативы, конечно, чаще всего есть. В политике неизбежно возникает конфликт ценностей, обусловленный столкновением интересов различных социальных групп, краткосрочных и долгосрочных интересов, интересов общечеловеческих и национальных. Соответственно возникает проблема разрешения конфликта ценностей. В публичной сфере рождается необходимость нравственной оценки политики, поиска компромисса между частным и общественным интересом.

Какими собственно моральными инструментами обладает политик для успеха своей деятельности в обозначенном направлении. Одним из первых продуктивных попыток решить данную проблему было её рассмотрение Кантом в статье «К вечному миру».

Основная идея Канта заключена в том, что категорический императив может быть и правилом, применимым для регуляции взаимоотношений людей в публичной сфере, в том числе – на международном уровне, для принятия политических решений. Для этого категорический императив должен быть переформулирован в виде принципа публичности, или гласности. Он звучит следующим образом: «Противоправны всё относящиеся к праву других людей действия, максимы которых несовместимы с гласностью» [5, с. 50]. Расшифровывая это положение, Кант говорит о том, что «все максимы, которым необходима гласность (чтобы достичь своей цели), согласуются и с правом, и с

политикой. Ибо если эти максимы могут достичь цели только с помощью гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) – истинная задача политики» [5, с. 55-56].

Конечно, в современном обществе при принятии политических решений не всё может быть открыто провозглашено. Например, если, чувствуя какую-то угрозу, президент какой-то страны объявляет, что он собирается тайно направить свой флот к чужим берегам, смысл действия во многом пропадает, так как оно уже не является тайным. Тем не менее, Кант отнёс бы такой класс ситуаций к несовершенству того общества (человечества), которое мы на данный момент имеем. Для Канта условием заключения вечного мира является демократическое и республиканское устройство всех государств. Он прозорливо видел, что одной демократии недостаточно, массы могут принять и неправильные решения, в том числе – способствующие движению к тоталитарным обществам, что случилось с античными демократиями. Гарантию против этого даёт только республиканское устройство государства, предполагающее систему разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), двухпалатный законодательный орган, что даёт возможность сдерживания господства одних политических сил в ущерб другим.

Вторым условием, собственно, и является заключение вечного мира, т.е. создание некоторой совершенной политической организации, исключающей войны, дающей гарантии существования всех, в том числе малых народов, сохранение культурных различий, и т.д.

Однако здесь возникает вопрос, а будет ли такое общество политическим обществом, ведь политика предполагает противостояние различных интересов, а значит и сохранение тайн во имя борьбы за реализацию данных интересов. Но тогда принцип публичности не может быть в полной мере применим до тех пор, пока существует политика.

Выход, казалось бы, предлагает другая моральная теория, построенная на кантовских принципах, но корректирующая их в сторону приспособления к реальному обществу и устранению метафизических оснований, характерных для кантовской теории.

Это этика дискурса. В ней предполагается широкий диалог между различными политическими

силами, поиск консенсуса. Согласно этой теории все решения в перспективе общественного развития должны стать коммуникативными, т.е. стратегия обещаний и угроз должна быть заменена согласием, основанным на целесообразности коллективно предпринимаемых действий. Соответственно носители интересов должны быть согласны на те манипуляции, которые собирается произвести с этими интересами любой управляющий субъект.

Но общество не является идеальным, необходимо учитывать, что не все готовы к широкой коммуникации, многие рассчитывают получить от кооперации односторонние преимущества, от некоторых стран исходят террористические угрозы. Поэтому К.О. Апель предлагает разделить дискурс на уровень А, соответствующий нашим идеальным представлениям и уровень В, на котором приходится учитывать реальные угрозы. Здесь имеют место стратегические решения. Но тот, кто их принимает, должен исходить из общей идеи движения общества к идеальному коммуникативному состоянию. В этом смысле каждый политик должен действовать так, как если бы он принадлежал к идеальному коммуникативному сообществу. Апель считает возможным использовать здесь предельное основание дискурсивной этики. Это наше идеальное представление о таком состоянии общества, в котором все возможные дискурсы были бы завершены. Другой известный разработчик дискурсивной этики Ю. Хабермас не принимает апелевского предельного основания и больше говорит о правилах дискурса. Тем не менее, оба мыслителя единодушны в том, что дискурс возможен, и именно в плане процедуры дискурса следует принимать рациональную и когнитивную составляющую морали.

Этика дискурса кажется весьма привлекательной для решения конфликта ценностей и принятия политических решений. Тем не менее против неё выдвигаются серьёзные возражения. Прежде всего со стороны тех, кто вообще отрицает возможность рационального понимания морали, кто считает, что диалог по моральной проблематике нигде ещё не привёл к определённым решениям. Этот взгляд, в частности, высказывает А. Баумгартен.

Ещё одно интересное возражение против этики дискурса развивается профессором А.Н. Павленко. Он отмечает, что согласно коммуникативной парадигме, коммуникативное сообщество не представляет ничего более чем собрание индивидов, свойства которых определяются самим этим коммуникативным сообществом. Но в таком слу-

чае «общение (сама по себе коммуникация) ничего не прибавляет к тому, что уже содержит индивид» [6, с. 55].

Почему же в таком случае этика дискурса получает такое распространение и признание. По оценке Павленко, «перед нами философское обобщение и даже обоснование таких феноменов современного мира как журналистская практика, телевизионные дебаты, talk-show, интервью и дискуссии. Хабермас намеренно стремится покинуть область пропозиций, соотносимых с истиной и ложью, т.е. с областью науки и строгой философии. *Ведь, если стирается грань между говорящим и слушающим, между специалистом и неспециалистом, между профессионалом и дилетантом просто на том основании, что каждый из них «по-своему участвует» в обсуждении, то мы, по существу, оказываемся у водораздела, где заканчивается культурное поле, содержащее «образцы и эталоны этой самой культуры». Вседоступность, эпистемологический эгалитаризм, равное участие – прямо противоположны компетентности, профессиональному самоконтролю и профессиональной пригодности, настаивающих на строгом различии возможностей каждого участника в том или ином роде деятельности и выступающих в противоположность описанному выше подходу в роли своеобразного эпистемологического аристократизма заканчивается культурное поле, содержащее «образцы и эталоны этой самой культуры» [7, с. 33-34].*

Принимая во внимание основания данной критики, следует в то же время заметить, что соединение мнения профессионала и широкой ответственности совсем не всегда плохо. Это, например, находит отражение в институте суда присяжных, в процедурах принятия коллективных решений в биоэтике, при проведении гуманитарных экспертиз и т.д. Кроме того вряд ли правильно, что даже в одинаковых условиях формируются принципиально одинаковые индивиды, да можно ли сказать, что даже в обществе с однородной культурой условия формирования разных индивидов принципиально одинаковы. Всегда есть вариации различных влияний, так что соединение разных мнений как раз очень важно.

Тем не менее, можно сказать, что процедура дискурса создаёт проблему индивидуальной ответственности, и дискурс действительно может продолжаться бесконечно долго, тогда как в политике часто приходится принимать решение здесь и сейчас.

На необходимость высокого уровня личной ответственности за выживание человечества обращает внимание другая современная этическая теория. Это этика ответственности Г. Йонаса. Степень идеализации, присущая данной теории, пожалуй, более высока по сравнению с этикой дискурса. Отличает её и вера в некоторого совершенного в своих помыслах человека, который готов отказаться от многого ради того, чтобы создать практические гарантии выживания человечества. Сам исходный принцип данной теории также может вызывать много сомнений. Йонас считает, что, учитывая риски, созданные современной цивилизацией приоритет всегда нужно отдавать негативному прогнозу. Соответственно нужно отказаться от любых рискованных действий в отношении будущего.

Предлагаемые Йонасом принципы кратко выразить следующими положениями:

1. «придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ»;
2. «ставкой в лотерее деятельности никогда не может являться существование или сущность человека как целого»;
3. принцип ответственности политического деятеля может быть выражен императивом: «не делать ничего, что послужит в дальнейшем препятствием для появления таких, как он сам» [8, с. 87, 95, 208].

Йонас считает, что даже в случае справедливой войны за национальную независимость, следует пожертвовать интересами нации, если продолжение такой борьбы ставит под угрозу выживание человечества.

Конечно, это предельный уровень идеализации, и вряд ли найдётся такой политик, который будет скрупулезно подсчитывать, стоит ли прекратить борьбу, ради сохранения человечества. Кроме того, следует заметить, что всегда можно придумать столько негативных прогнозов, что фактически любое действие окажется заблокированным, а в политике постоянно приходится идти на риск.

Тем не менее, предостережение Йонаса может быть учтено в смысле приоритета долгосрочного интереса над краткосрочным. Это особенно относится к третьему, упомянутому нами принципу. Ведь в политике очень часто возникает соблазн отказаться от демократических процедур во имя сиюминутного успеха. Но такой отказ неизбежно породит эффект снежного кома, нарастающего по мере движения, в данном случае – движения к тоталитарному обществу.

Принципы, предложенные Йонасам, по существу основаны на абсолютистском понимании морали и осмыслении условий, в которых такие принципы могут быть применены к публичной сфере. Наряду с этим распространённым этическим принципом принятия решений в политике является утилитарный принцип, основанный на допущении минимального зла и принятия решений в интересах большинства. Но возражением против данного принципа, как и вообще всей утилитаристской теории, может быть мысль о том, что массы никогда не согласятся принять такой подход, ведь всегда есть риск остаться в меньшинстве.

Однако в реальной политике, особенно такой политике, которая проводится в чрезвычайных обстоятельствах (во время войны, стихийных бедствий, глобальных экономических кризисов) принятие решений на основе допущения минимального зла является обычным и даже этически оправданным. При этом только должны выполняться определённые нравственные ограничения, как, например, это проявляется в нравственных ограничениях войны.

Но перейдём теперь с уровня глобальной политики на уровень принятия конкретных политических решений и рассмотрим возможные процедуры разрешения конфликта ценностей в инструментальном смысле.

В настоящее время разработан целый ряд аналитических моделей разрешения ценностных конфликтов, которые с большим или меньшим успехом применимы и декларируются в большинстве сфер социальной деятельности, в том числе и в политике. Речь идёт как о широко известных моделях, таких как «ящик» Р. Поттера, модель С. Бок, модели Дж. Блэка и Д. Эллиот [9] до менее известных узкоспециализированных матриц и кейсов, включая метод составления карт ценностных предпочтений П. Таггарда [10] и подобные разработки в этом направлении, которые ведутся рядом западных университетских центров изучения ценностей. Однако, в целом, они более или менее созвучны. Все они призваны обозначить рационализацию неких принципов, способных стать моральными принципами и основой действий профессионала.

В частности, рассмотрим одну из самых популярных моделей анализа этических дилемм, разработанную гарвардским профессором Р. Поттером («ящик Поттера»). Алгоритм, предлагаемый им и названный «ящиком» из-за соответствующего схе-

матического сходства, предполагает для анализа индивидуальных этических дилемм восемь этапов:

1. Как можно объективнее определить ситуацию (ячейка «Определение»).
2. Перечислить затронутые в данной ситуации ценности (на ваш взгляд) и сравнить значение этих ценностей (ячейка «Ценности»).
3. Сформулировать принцип наподобие категорического императива для каждой из ценностей (ячейка «Принципы»).
4. Рассмотреть другие общие этические принципы, которые подходят к данной ситуации (например, это может быть принцип наибольшего блага для наибольшего количества). Вытекают ли из этих принципов какие-то новые ценности, от которых может зависеть ситуация? Следует сравнить значение всех принципов, имеющих отношение к делу.
5. Для каждого принципа ответить на вопрос: «К кому я проявлю лояльность, если буду действовать на основе этого принципа?» (ячейка «Обязательства»)
6. Спросить себя, нет ли в данной ситуации ещё каких-нибудь людей или групп, перед которыми у вас есть обязательства – или вы полагаете, что они есть. Если такие люди или группы обнаружатся, то, возможно, придётся рассмотреть новые принципы и ценности. Упомянуты ли в вашем определении какие-то люди или группы, перед которыми у вас нет обязательств? Если да, то почему?
7. Выбрать вариант действий, соответствующий наиболее важным ценностям, принципам и обязательствам. Проанализируйте его в свете данного вами определения. Если вам по-прежнему кажется, что это лучший выбор, действуйте. Это не так-то просто. Однако в каждом случае вы можете увидеть, на каких ценностях, принципах и интересах основано ваше решение.
8. Проанализировать последствия вашего решения.

Сама процедура здесь строится именно на наибольшем соотношении с общими ценностями, разделяемыми тем самым общественным мнением, на которое ориентирована и рассчитана профессиональная деятельность в публичной сфере. Однако можно ли представить ситуацию реализации именно такого варианта как ординарную, «дежурную»? Скорее, нет. Тогда на что же рассчитана модель? На преобладание ценностей, разделяемым большин-

ством или на выявление неких устойчивых структур, наполненных ценностным содержанием вне зависимости от социальных условий, конъюнктуры общественного мнения и политических предпочтений различных групп, которые в принципе не могут совпадать никогда?...

Продолжением своего рода коммуникативного подхода к построению аналитических моделей принятия решений может стать и модель Д. Элиот. Модель предлагает алгоритм ведения этической дискуссии, основанный на контроле за обсуждаемыми вопросами и порядком их рассмотрения. Автор модели также пытается снять конфликт деонтологии и утилитаризма на личностном уровне профессионального рассуждения и найти оптимальный путь для того, чтобы принять этически правильное и взвешенное решение, основанное с учетом мнения другого человека (других людей).

Обе эти модели, и Р. Поттера, и Д. Эллиот, ориентированы на построение некоей рациональной процедуры, которая помогла бы выявить наиболее значимые и приоритетные моменты для каждого действующего в рамках конкретной ситуации. Такая рациональная реконструкция оснований и последствий принятого решения позволяет, по мнению её сторонников, надеяться на выработку оптимального решения для всех и помогает профессиональной системе в целом и самому профессионалу преодолевать этические коллизии, оставаясь грамотным профессионалом и ответственной личностью. Характеризуя вкратце обе модели, можно сказать, что основой для подобных построений является общая исходная позиция: этика строится на процедуре рационализации, реализуемой в некоем коммуникативном пространстве. При этом рациональная реализация морального выбора субъектом в условиях различных возможных допустимых (но не в одинаковой степени ценностно содержательных) вариантов предполагает возможность объяснения своих этических решений другим. Однако подобные механизмы сталкиваются с рядом трудностей, обусловленных собственной спецификой именно сферы политической коммуникации (если вообще возможно говорить о такой при определённых условиях). Остаётся по-прежнему открытым вопрос о том, кто принимает решение – о каком субъекте идёт речь и возможно ли говорить о коллективности решения или только о коллегиальности и совокупном решении ряда индивидуальных субъектов? Более того, при признании некоего абстракт-

ного коллективного субъекта сразу возникает закономерный и логически правильный вопрос – кто будет нести ответственность за принятое решение (в политической сфере это один из актуальнейших этических вопросов) и возможна ли вообще некая коллективная ответственность либо только индивидуальная... На кого распространяется и та, и другая форма ответственности в сфере публичных решений и публичного пространства?...

Другая модель – модель Л. Ходжса – предлагает пошагово найти ответ на следующие вопросы:

1. Какие нравственные проблемы затрагивает ситуация?
2. Чьи интересы задействованы?
3. Какие ещё факты имеют отношение к делу?
4. Каковы возможные варианты действий?
5. Каковы предсказуемые последствия каждого варианта?
6. Какой набор возможных последствий предпочтительнее других?

Однако опять мы приходим к мысли о том, что эффективное применение подобных моделей в политическом пространстве осложнено, в первую очередь, совершенно особенным, даже, думается, гипертрофированным *релятивизмом*, который воспринимается как неотъемлемый элемент практически любого политического решения. (О том, что «цель оправдывает средство» (фраза, приписываемая Н. Макиавелли), знает практически любой субъект, занимающийся политикой или исследующий её.) И его влияние таково, что часто выдаёт самому политику не только субъективную, но и объективную индугенцию на те или иные действия, не согласующиеся с требованиями не только объективной, но и субъективной этики или морали. Ярчайшим примером подобного рода стало выступление 2 февраля 2003 г. на Совете Безопасности ООН госсекретаря США К. Пауэла, который обосновал необходимость вторжения в Ирак неверными и прямо сфальсифицированными доказательствами, о которых потом (в 2004 г.) просто «сожалел» – никаких санкций, ни моральных, ни материальных, ни субъективных, ни объективных, ни личных, ни общественных не последовало.

Следует остановиться и на ещё одном нюансе, связанном с применениями стандартных аналитических моделей. Их основное требование состоит в необходимости провести максимально полный анализ как внешних, так и внутренних условий, в которых должно быть принято решение, призванное эффективно прекратить ценностный конфликт.

И здесь попытка анализа политического процесса наталкивается не просто на традиционно широкий спектр вовлеченных в конфликтное поле ценностей, которые к тому же ещё и носят далеко не однозначный характер, но и с тем, что существенную часть этого спектра занимают ценности сугубо политического характера. В качестве примера подобного рода может стать разнотипная политическая «любовь» – «любовь к Родине», «любовь к партии», «любовь к политическому лидеру» и т.п. рода «неестественные» (т.е. сформированные в сугубо политическом пространстве) максимы, которые следует называть скорее идеологемами, чем ценностями. При этом можно смело говорить и о специфической иерархии ценностей политического пространства – значение идеологем при принятии политических решений таково, что позволяет политику без большого труда и проблем с совестью преодолевать значение ценностей этических – понятие «политическая целесообразность» давно уже воспринимается так же аксиоматично, как и политический релятивизм. При этом манипулировать идеологемами и тасовать их по собственному усмотрению и политическому «заказу» – дело практически привычное, поскольку часто не воспринимается иначе именно в силу «смоделированности» их ценностного содержания. За примерами тоже далеко идти не надо – подъём исламского радикализма с его откровенно идеологическими ценностями, породившими феномен террористов-смертников, сегодня у всех на слуху.

Однако следует отметить, что сектор сугубо политических ценностей в конфликтном поле политического пространства не неподвижен. Он сокращается (при соответствующем росте ценностей этических) по мере смещения исследовательского фокуса с политических процессов, развивающихся на основе плебисцитарной демократии, к политическим процессам, инспирированным демократией партисипативной. (Режимы с разной степенью тоталитарности рассматривать с этой точки зрения бессмысленно.) И это в общем-то не удивительно – преимущества последней перед первой более чем очевидны. В самом первом приближении: чем больше субъектов непосредственно участвует в принятии решения, тем больше шансов за то, что личный интерес политика будет сокращён в пользу интереса общественного, и принятое решение не будет субъективным. И здесь современные коммуникативные технологии предоставляют более чем серьёзные возможности для распространения

методов партисипативной демократии – за счёт них аудитория, способная принимать эффективные решения может быть существенно расширена.

Впрочем, успехи партисипативной демократии пока ещё недостаточны, чтобы отказываться от применения аналитических моделей для разрешения ценностных конфликтов при принятии политических решений. И в свете всего вышесказанного наиболее эффективной базовой моделью в этом случае представляется модель, которая предусматривает этические ценности в качестве базы для анализа. Так, например, С. Бок предлагает выстраивать анализ на основе двух предпосылок: 1) мы должны сочувствовать людям, которых затрагивают наши этические решения и 2) основная цель – сохранение общественного доверия, а Д. Элиот рекомендует основываться на оценке уровней вреда и зла, которые могут стать следствием предполагаемого решения. Подобный подход резко ограничивает в целом скорее негативное влияние «политической составляющей» ценностного диапазона и, как представляется, даёт шанс на выработку взвешенного и именно этического решения. Для сохранения этического эффекта при применении других моделей, представляется необходимым введение своего рода «ценностного фильтра», который позволит не просто определить и классифицировать ценности, влияющие на принятие решения, но иерархически классифицировать, взяв за основу именно этическую составляющую, на базе которой и будет решён ценностный конфликт. Т.е., применительно, к примеру, к «ящику Поттера», следует более чётко позиционировать именно этические ценности в качестве базовых для анализа конфликтной ситуации, которые в ячейке «Ценности» должны не просто выделяться, но и превалировать над ценностями политическими.

Таким образом, при принятии политических решений мы сталкиваемся с действием различных этических принципов, многие из которых конкурируют друг с другом. Это:

- принцип открытости и информированного участия;
- обсуждения («дискурса» и коллективных решений);
- индивидуальной ответственности и сохранения необходимой тайны;
- решений во имя большинства на основе принципа допущения минимального зла (утилитарный принцип);

- отказа от политического действия во имя сохранения человечества и обеспечения основных прав человека (абсолютистский принцип);
- принцип воздержания от непродуманных, волюнтаристских действий (утилитарный принцип);
- принцип учёта отдалённых последствий (сочетание абсолютистского и утилитарного принципов).

Абсолютные принципы, безусловно, важны в политике. И не только применительно к вопросу о деятельности государственных институтов. В качестве абсолютных нравственных ограничений выступают требования невмешательства в дела других государств, признания их суверенности, права на сохранение территориальной целостности. Но всё дело в том, что при определённых условиях эти основанные на абсолютистской этике принципы приходят в конфликт с другими абсолютными принципами. Это относится, например, к вопросу о праве на гуманитарную интервенцию, которая становится возможной тогда, когда государство не может гарантировать безопасность и хотя бы элементарные экономические условия жизни своих собственных граждан, т.е. тогда, когда государство по существу перестаёт выполнять свои основные функции.

Безусловно, в современном мире мы также наблюдаем конфликт принципов государственного суверенитета и территориальной целостности с правом нации на самоопределение. Отклонение от последовательного следования некоторому абсолютному принципу, с моей точки зрения, возможно тогда, когда, когда имеет место очевидное нарушение другого абсолютного принципа. Прежде всего – того или иного фундаментального нравственного запрета. Поэтому та или иная нация или этническая группа может ставить вопрос о своем самоопределении и отделении от государства, к которому она принадлежит только в том случае, если есть очевидные свидетельства притеснения данной нации или этнической группы, нарушения в отношении членов данной группы основных прав человека. Неравномерность экономического развития регионов, желание людей более развитого региона получить преимущества за счёт того, что в нём, скажем, сосредоточены какие-то ресурсы, не может быть основанием для отделения. Утилитарный принцип не может перевешивать абсолютный.

Но даже если речь идёт не о столь серьёзном вмешательстве в дела другого государства, как ин-

тервенция, экономические санкции, а, допустим, просто о гуманитарной помощи, осуществляемой без согласия правительства страны (что является нарушением принципа суверенитета), такие действия можно считать оправданными, если сама гуманитарная катастрофа вызвана нарушением со стороны властей фундаментальных нравственных запретов, скажем – нравственных ограничений войны. Поэтому оказывается нравственно оправданной помощь мирному населению, если оно пострадало в результате намеренного причиняемого вреда, используемого в качестве устрашения для вступившей в военный конфликт стороны, даже если это конфликт внутри суверенного государства. Использование намеренно причиняемого мирному населению зла как средства достижения военных целей запрещено. Согласно доктрине вторичного эффекта, зло, как насилие в отношении

гражданских лиц, может возникать лишь как сопутствующий (нежелательный) эффект при проведении военных операций, который нужно стремиться свести к минимуму.

Применение некоторых принципов и процедура политических решений различаются в западной и восточной традициях, что обусловлено разными традициями в понимании соотношения системы личных интересов и властных структур. Но это уже отдельная проблема, которая в данной статье не рассматривается.

В целом же можно сказать, что правильное принятие политических решений и успешное разрешение конфликта ценностей зависит от организации системы распределения власти, профессиональной компетенции, сознания нравственной ответственности, в том числе – ответственности перед будущим, перед жизнью будущих поколений.

Список литературы:

1. Философия: учебник / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. М.: Академический проект, 2003.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
3. Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
5. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994.
6. Павленко А.Н. Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования // Мир человека: нормативное измерение 2: сборник трудов международной научной конференции. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010.
7. Павленко А.Н. Пределы intersubъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания). СПб.: Алетея, 2012.
8. Йонас Г. Принцип ответственности М.: Айрис-Пресс, 2004.
9. Волек Т. Журналистская этика. СПб.: Институт развития прессы, 2002.
10. Thagard Paul. Value maps in Applied Ethics // Интернет-ресурс: cogsci.uwaterloo.ca. (URL: thagard.values-ethics.teach-eth.2013.pdf).

References (transliteration):

1. Filosofiya: uchebnik / Pod red. A.F. Zotova, V.V. Mironova, A.V. Razina. M.: Akademicheskii proekt, 2003.
2. Toffler E. Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka. M.: AST: AST MOSKVA, 2009.
3. Neisbit Dzh. Megatrendy. M.: «Izd-vo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2003.
4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2002.
5. Kant I. Sobr. soch. v 8 t. T. 7. M.: ChORO, 1994.
6. Pavlenko A.N. Kommunikativnaya doktrina morali i prava: priznanie do obosnovaniya // Mir cheloveka: normativnoe izmerenie 2: sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2010.
7. Pavlenko A.N. Predely intersub'ektivnosti (kritika kommunikativnoi sposobnosti obosnovaniya znaniya). SPb.: Aleteiya, 2012.
8. Ionas G. Printsip otvetstvennosti M.: Airis-Press, 2004.
9. Volek T. Zhurnalist'skaya etika. SPb.: Institut razvitiya pressy, 2002.
10. Thagard Paul. Value maps in Applied Ethics // Internet-resurs: cogsci.uwaterloo.ca. (URL: thagard.values-ethics.teach-eth.2013.pdf).